

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России

**УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ
НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация:

В работе исследуется специфика законодательных актов, которые принимались советской властью в начальный период ее существования (1918–1922) по вопросам уголовного наказания в виде лишения свободы. Отмечается, что соответствующие инструкции и положения не имели какой-либо системы, что может быть объяснено отсутствием в тот период нового уголовного закона. Существенное значение имело Положение о лагерях принудительных работ 1921 г., которым регулировалось исполнение лишения свободы как для «контрреволюционеров», так и для «обычных» преступников. Этот и другие акты в совокупности стали юридической основой для последующих уголовных и исправительно-трудовых кодексов.

Ключевые слова:

советская власть, наказание, лишение свободы, инструкция, лагерь принудительных работ, карательный отдел, Народный комиссариат юстиции.

Uporov Ivan Vladimirovich

D.Phil. in History, PhD in Law,
Professor, Constitutional
and Administrative Law Department,
Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

**CRIMINAL PENALTY
IN THE FORM OF IMPRISONMENT
IN THE LEGISLATIVE ACTS OF
INITIAL PERIOD OF
THE SOVIET POWER**

Summary:

The article studies specific features of legislative acts, which were adopted by the Soviet power during the early period of its existence (1918–1922) regarding criminal penalty in the form of imprisonment. It is noted that the relevant directives and regulations did not have any system character, which can be explained by the lack of a new criminal law. The Forced Labour Camps Regulation of 1921 that regulated imprisonment of both "counter-revolutionaries" and "ordinary" criminals had essential meaning. This and other acts collectively became the legal basis for following criminal and correctional labour codes.

Keywords:

Soviet power, punishment, imprisonment, directive, camp of forced labour, penal department, People's Commissariat of Justice.

Первым значимым законодательным актом, регулирующим институт лишения свободы в Советской России, стала принятая НКЮ в 1918 г. Временная инструкция «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» [1]. В литературе этот документ оценивается по-разному. Инструкцией объявлялись потерявшими свою силу уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных. Места лишения свободы по своему назначению делились на следующие виды: 1) общие места заключения (тюремь); 2) реформатории и земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых преступников; 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для послаблений режима или для досрочного освобождения; 4) карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами, дегенератов и т. п.; 5) тюремные больницы. Согласно ст. 21, лишенные свободы, способные к труду, обязательно должны были привлекаться к физическому труду по распределению заведующих местами заключения и принудительными общественными работами. Лишенные свободы должны были постоянно находиться в помещениях, «кроме как на работах или прочих занятиях и прогулках». Соглашаясь с М.Г. Детковым о «поверхностном и общем подходе» Временной инструкции к регулированию порядка отбывания наказания в местах лишения свободы [2, с. 33], отметим и то обстоятельство, что рассматриваемый документ не содержал, как того можно было ожидать, норм о целях и задачах лишения свободы, принципах его исполнения, правовом положении осужденных. Если бы не наличие в нем советских наименований («Нарковнудел», «местные Советы рабочих и крестьянских депутатов» и др.), то, пожалуй, трудно было бы понять, к какому периоду он относится: до- или послеоктябрьскому, настолько «внеклассово» он был составлен.

К тому времени в России функционировало 719 тюрем. Помимо этого существовали 495 этапов и полуэтапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости, 23 гауптвахты, 7 тюрем морского ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 учреждение для несовер-

шеннолетних, а также множество (более тысячи) арестных помещений при полиции [3]. В соответствии с лозунгом о полном сломе царской тюремной системы в стране «демонстративно» были разрушены около 400 зданий тюрем, преимущественно уездных [4, с. 67] (видимо, по аналогии с разрушением церквей), а многие были приспособлены для различных хозяйственных нужд. Одновременно в связи с усилением «борьбы с контрреволюцией», предусмотренным постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» [5, с. 34], пошло в рост число «классовых врагов», которых указанным постановлением предписывалось «изолировать в концентрационных лагерях». Стала остро ощущаться нехватка мест заключения и, соответственно, новых актов о лишении свободы. В такой ситуации издаются постановления ВЦИК от 15 апреля и 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» [6, с. 45–47], которыми было утверждено и затем изменено соответствующее Положение о лагерях. Это довольно крупный правовой акт, имевший большое значение в контексте рассматриваемой проблематики, в связи с чем рассмотрим его подробнее.

Следует заметить, что о необходимости такого рода лагерей еще в середине 1918 г. заявлял Троцкий, правда, тогда речь шла о временном изолировании некоторых категорий лиц [7, с. 216, 233]. В частности, речь шла о том, чтобы «темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, спекулянтов, а также восставших чехословаков» заключать в лагеря [8, с. 216]. Несколько позже Ленин также предписывает «сомнительных» изолировать в концентрационном лагере [9]. Такие лагеря создавались в связи с острой политической борьбой и не являлись местами отбывания определенного судом наказания в виде лишения свободы. Они использовались и в последующее время наряду с лагерями принудительных работ. Организация лагерей принудительных работ, согласно Положению, возлагалась на губернские Чрезвычайные комиссии, при этом указывалось, что лагеря могли быть устраиваемы как в черте города, так и в находящихся вблизи от него поместьях, монастырях, усадьбах и т. д. Предписывалось, что в каждом губернском городе должен быть по меньшей мере один лагерь, рассчитанный не менее чем на 300 человек. Общее управление всеми лагерями принудительных работ осуществлял НКВД. При этом следует заметить, что Положение предусматривало довольно подробный перечень задач, которые должен был выполнять соответствующий отдел НКВД, на который возлагалось непосредственное ведение лагерями. В числе этих задач были: 1) выработка положений, инструкций, правил по организации и управлению лагерями; 2) представление периодических докладов, отчетов о деятельности лагерей; 3) выработка и представление смет по содержанию лагерей, определение штатов администрации лагерей; 4) утверждение заведующих лагерями из кандидатов, представленных местными исполкомами; 5) общий контроль за лагерями в хозяйственном, финансовом и административном отношении; 6) ревизия лагерей; 7) открытие лагерей в уездных городах; 8) перевод заключенных из одного лагеря в другой; 9) разрешение устройства мастерских в лагерях [10].

«Ближайший» надзор за общей деятельностью лагерей возлагался на местный исполком. В лагере постоянно должен был находиться фельдшер. Каждая камера в лагере должна была обеспечиваться всеми предметами, необходимыми для проживания заключенных. В целях предупреждения эпидемий воспрещалось устраивать сплошные нары. Для заключенных устанавливался 8-часовой рабочий день. Организация сверхурочных и ночных работ должна была соответствовать Кодексу законов о труде. Вознаграждение за труд каждого заключенного должно было производиться по ставкам профессиональных союзов соответствующих местностей. Заключенным, которые проявляли особое трудолюбие, разрешалось проживать на частных квартирах. Кроме того, им мог быть сокращен срок заключения, причем соответствующим правомочием наделялся Отдел принудительных работ НКВД по представлению отдела местного исполкома.

Указанные нормы Положения о лагерях принудительных работ не дают оснований говорить о нарушении в этом нормативном акте общепризнанных пенитенциарных норм, сложившихся к тому времени в цивилизованном мире. Нет и норм, свидетельствующих о классовом принципе. В этом смысле Положение о лагерях развивало соответствующие аспекты в русле рассмотренной выше Временной инструкции 1918 г. Отметим еще два обстоятельства данного Положения о лагерях принудительных работ: 1) четкая позиция государства об обязательности труда заключенных и о самокупаемости мест лишения свободы; 2) отсутствие норм, регулирующих воспитательную работу (они появятся в последующих пенитенциарных актах, на что в дальнейшем будет обращено внимание).

Вместе с тем не следует и переоценивать содержание Положения. Дело в том, что в нем имелись и такие нормы, которые противоречили принципу гуманизма. Например, согласно ст. 37, «за побег в первый раз заключенному увеличивается срок пребывания в лагере до десятикратного (выделено нами. – Авт.) размера срока первоначального заключения». За вторичный побег виновные предавались суду Революционного трибунала, который имел право определять наказание вплоть до применения высшей меры наказания. Для предупреждения возможности побега

быть введена круговая порука. Вместе с тем нужно иметь в виду и то обстоятельство, что далеко не все требования Положения о лагерях реализовывались на практике, причем как репрессивного, так и гуманистического характера. Об особенностях практики деятельности лагерей принудительных работ можно судить на примере Рославльского лагеря принудработ [11, с. 170–172]. Здесь содержалось до ста пятидесяти заключенных, большинство которых были военнопленные. Полагалось, чтобы заключенные не были в «праздном» состоянии, для чего они привлекались к работам. От администрации требовалось, чтобы не было «жесткого и грубого отношения к заключенным». Что касается особых лагерей для содержания лиц, осужденных за «контрреволюционные преступления», то первым из таких лагерей следует назвать печально известный Соловецкий лагерь, созданный в 1920 г. и достаточно подробно описанный в литературе.

Если же рассматривать решения в сфере пенитенциарной политики, регулирующие условия отбывания наказания в лагерях, то, надо признать, эти нормы сами по себе в значительной мере носили прогрессивный характер. Об этом свидетельствует, в частности, приказ ВЧК № 186 (1921), в котором подвергается критике практика ЧК Иркутской области, допуская случаи некорректного и даже грубого отношения к изолированным в лагерях, а также содержания их в плохих условиях [12, с. 12]. А согласно декрету СНК от 17 декабря 1919 г. [13, с. 257], заключенные могли быть отпускаемы для работы в советские учреждения с правом передвижения без конвоя.

К концу 1922 г., когда совместным постановлением НКЮ и НКВД была упорядочена подчиненность мест лишения свободы (они сосредоточивались в НКВД), число заключенных во всех местах лишения свободы (исправительно-трудовые дома – 159, дома предварительного заключения – 54, изоляционные тюрьмы – 2, пересыльные тюрьмы – 3, сельхозколонии – 29, трудовые дома для несовершеннолетних – 4, трудовые колонии – 1, концлагеря – 56, тюремные больницы – 5, прочие – 17) составляло 80 559 человек, при этом лимит наполняемости был 85 531 место [14]. В тот период наибольшее число осужденных составляли крестьяне – почти две трети [15], наибольшее число заключенных осуждалось за кражу (28,6 %) и воинские преступления (21,9 %).

В целом же законодательные решения в сфере пенитенциарной политики принимались Советским государством хаотично, откликаясь на «злобу дня», что, собственно, не было удивительно, учитывая напряженную обстановку периода первых лет послеоктябрьских событий. Как нам представляется, во многом это делалось без расчета на реальное исполнение, а ряд решений носил скорее предупредительный характер. Сильное влияние на этот институт оказывал политико-идеологический фактор. В результате какой-либо системности в развитии института лишения свободы не было до принятия Временной инструкции 1918 г. В дальнейшем, после определенной стабилизации общественно-политической обстановки в стране, Советское государство стало вырабатывать более продуманные решения, которые в свою очередь послужили правовой базой для разработки и принятия в более позднее время УК РСФСР 1922 и 1926 гг. и ИТК РСФСР 1924 и 1933 гг.

Ссылки:

1. Временная инструкция «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» (утверждена НКЮ 23 июля 1918 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 30–32.
2. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. С. 32.
3. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 2. Д. 361. Л. 15–18.
4. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975. С. 10 ; Багунов В. Порядок отбывания наказания в тюрьмах // Преступление и наказание. 1997. № 6. С. 67.
5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 34.
6. Там же. С. 45–47.
7. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 216, 233 и др.
8. Там же. С. 216.
9. Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 144.
10. СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124.
11. Гавриленков А.Ф. Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920–1921 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 170–172.
12. Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917–1925 гг.) / Стручков Н.А. [и др.]. Ч. 1. С. 12.
13. В.И. Ленин и ВЧК: сб. док. М., 1987. С. 257.
14. ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.
15. ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 2. Л. 73.

References:

- Astemirov, ZA 1975, *History of the Soviet corrective labor law*, Ryazan, p. 10, (in Russian).
Bagunov, V 1997, 'The order of serving the sentence in prison', *Prestupleniye i nakazaniye*, no. 6, p. 67, (in Russian).
Detkov, MG 1992, *The content of the penal policy of the Russian state and its implementation in the system of criminal*

punishment in the form of imprisonment for the period 1917-1930, Moscow, p. 32, (in Russian).

Gavrilentov, AF 2001, 'Roslavl concentration camp of forced labor (1920-1921)', *Voprosy istorii*, no. 8, p. 170-172, (in Russian).

Lenin, VI 1955, *Full collection of works*, vol. 50, p. 144, (in Russian).

Struchkov, NA et al., *Formation of the Soviet corrective labor law (October 1917-1925)*, part 1, p. 12, (in Russian).

The collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and RSFSR (1917-1952) 1953, Moscow, p. 34, (in Russian).

Trotsky, LD 1923, *How was armed revolution*, Moscow, vol. 1, p. 216, 233, (in Russian).

VI Lenin and the VCK: documents 1987, Moscow, p. 257, (in Russian).